

Виктор Тростников,
профессор, богослов, математик

ПОНИМАЕМ ЛИ МЫ ЕВАНГЕЛИЕ?

Размышления о седьмом апреля

«Днесь спасения нашего главизна и еже от века таинства явление», поётся в тропаре на Благовещение. Как всё-таки выразителен церковнославянский язык! Чтобы передать смысл этой фразы нашей бюрократически формализованной речью, надо сказать вдвое длиннее: «Сегодня во исполнение Божьего Замысла совершается таинственное событие, которым открывается дело спасения человеческого рода». Одно сравнение этих двух предложений показывает, как мало понимают те, кто призывает перевести богослужение на русский язык, чтобы «не утаивать от народа слово Божье». Если бы они поменьше теоретизировали и почаще ходили в церковь, им бы стало ясно, что слово Божие как раз в церковнославянской речи находит своё адекватное выражение, так как красота формы соответствует при этом глубине содержания, а ёмкость лексики, идущая от иде-

ального языка богословия, на котором разговаривали греки Кирилл и Мефодий, обеспечивает необыкновенную лаконичность...

Но вернёмся к тому языку, который нам дан сегодня. Итак, таинственное, необъяснимое событие, чудо. А поскольку оно идёт первым в цепи таких же необъяснимых событий, ведущих к нашему искуплению Богочеловеком, то это чудо из чудес. Это и воплощение неместимого Бога в крошечную зародышевую клетку, и безмужнее зачатие. Куда уж больше! Можно ли придумать что-либо ещё, где естественные законы отменялись бы в таком же масштабе? Но давайте поглядим внимательнее. Не ограничиваясь восклицанием «Дивны дела Твои, Господи!», попробуем подойти к феномену Благовещения «научно». Конечно, тут сразу напрашиваются два возражения. Во-первых, не будет ли это кощунством? Подоба-

ет ли благочестивому человеку разглядывать таинство в электронный микроскоп? Во-вторых, нет ли в самой постановке проблемы внутреннего противоречия? Церковь учит, что Благовещение непостижимо, и мы, кажется, с этим согласны, но тем не менее хотим его постигнуть. Где же логика? Не отведя эти возражения, нельзя было бы двигаться дальше. Но они оба легко отводятся. Первое из них есть побочный результат антирелигиозной пропаганды недавнего прошлого. Она неизменно изображала христианство обскурантизмом, враждебной интеллекту слепой верой, и это как-то засело в нашем сознании. Но если бы оно действительно отвергало интеллектуальную деятельность в Богопознании, то было бы невозможным существование христианского богословия. А оно не просто существует, но и является самой стройной и самой универсальной из всех философских систем, представляет собой подлинную «полноту истинь», куда входит и истина как рассудочное познание. Все святые отцы высоко ценили человеческий разум, отмечая, что именно его наличие отличает нас от животных, и призывая постоянно им пользоваться. Нашей церковью причислена к лику святых великомученица Варвара, которая, глядя на окружающий мир из окна башни, «вычислила» Бога дедуктивным методом, и это вменяется ей в достоинство.

Рассуждение и логика являются для настоящего христианина столь же естественным, как дыхание, и применяются учителями веры к осмыслению всех евангельских событий, в том числе, конечно, и Благовещения. Есть, например, слово на эту тему константинопольского патриарха Прокла, в котором блестяще вскрыта диалектика таинства. Так что мы лишь скромно продолжим освящённую веками традицию. Второе же возражение к нашему намерению вообще не относится, ибо мы собираемся не познавать непознаваемое, а только нащупать его границы со стороны познаваемого. Наша задача состоит в том, чтобы определить, до какого места разум может вести нас в восприятии Благовещения, чтобы потом сдать его с рук на руки религиозной интуиции. Иными словами, мы попытаемся определить здесь объём чуда. Действительно ли он так уникально велик? Есть причины, по которым эта проблема важна и интересна. Это не праздное любопытство, а то самое богословие, которым занимались десятки поколений христианских учёных и которое наше поколение обязано продвигать дальше. Может быть, именно сейчас пришло время поставить вопрос о разработке количественных подходов к чудесному, к отысканию хотя бы самого грубого критерия в этой области. Ведь искусство измерять всё естественное ныне достигло высо-

ХРАМ

чайшего уровня, так что, если мы принципиально не можем измерить само чудо, мы можем достаточно точно измерить остальное и произвести операцию вычитания.

Но для чего это нужно? Из опыта науки хорошо известно, что главная ценность количественных методов состоит в придании достоверности качественным суждениям. Только измерения дают возможность физикам или астрономам превратить гипотезу в теорию, подозрение — в уверенность, догадку — в факт. Но почему бы этому не быть справедливым и по отношению к богословию? А в области богословия можно высказать важную гипотезу, которую очень хотелось бы проверить. Похоже, объём чуда, совершаемого Богом в каких-то целях, всегда минимален, так что Его домостроительство, называемое по-гречески «экономией», и вправду предельно экономично в смысле расходования сверхъестественной силы. На чём основывается это предположение? Прежде всего на евангельских текстах. То, что эта сила, оставаясь для нас не постижимой, для Самого Бога измерима и действительно «расходуется», показывает следующее место. «В то же время Иисус, почувствовав Сам в Себе, что вышла из Него сила, обратился в народе и сказал: кто прикоснулся к Моей одежде?» (Мр. 5, 30). Услышав этот вопрос, коснувшаяся сзади ризы Христа

и получившая исцеление женщина сильно испугалась, будто украла что-то вещественное. Видимо, вопрос Христа был строгим по своей интонации, может быть, даже грозным. Ему очень не понравилось, что Его благодатная энергия разбазаривается неизвестно кем и неизвестно для каких целей. Но Христос есть истинный Бог, единосущный Отцу и Святому Духу, следовательно, желание контролировать эту энергию присуще всей Троице и составляет Её божественную стратегию. Вероятно, бережное отношение к этой силе — один из принципов управления миропорядком. А вот другое любопытное место Евангелия: исцеление слепорождённого. Как Иисус исцелил его? «Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому, и сказал ему: пойдешь в купальню Силоам, что значит «посланный». Он пошёл и умылся, и пришёл зрячим» (Ин. 9,6). Зачем Иисусу понадобились такие сложности — Он же мог просто сказать «виждь», и увидел бы! Но в этом случае объём чуда был бы намного более значительным. Иисус предпочёл свести его почти к нулю: к разделению некоего материального субстрата свойствами лекарства, а всё остальное предоставил действию обычной врачебной процедуры. Он сделал всего лишь то, что почти способен сделать хороший врач. Гипотезу о минимизации чу-

дес подкрепляют и теоретические аргументы. Это есть принцип наименьшего нарушения Богом естественного хода событий, означающий, что Бог старается максимально подчиниться Им же Самим установленным законам тварного мира при вторжении в этот мир.

Такая внутренняя дисциплина вполне соответствует нашему представлению о Боге как о совершенном существе (Мф. 5,48). Даже земной царь, если он достаточно умён, всегда будет уважать собственные указы и постановления, подавая этим пример своим подданным, и только крайняя необходимость может побудить его отменить их для себя в таком-то месте и в такой-то момент. Если он, например, распорядился, чтобы в воинскую часть никого не пропускали без пароля, то, подойдя к караульному, обязательно сам произнесёт пароль, а не будет кричать: как ты смеешь меня задерживать, я твой царь! Тем более должен так вести себя гораздо более умный Небесный Царь. И действительно, в течение всей Своей земной жизни Иисус, как лицо двойной природы — божественной и человеческой, — жил одновременно в двух мирах. Как человек, он смиренно подчинялся людским установлениям, законам в юридическом смысле этого слова, традициям и обычаям. Он пошёл креститься водой у Иоанна, хотя Ему это совершенно не было

нужно (Мф. 3, 14). Он пожертвовал деньги на храм, принадлежащий Его Отцу, то есть Ему Самому (Мф. 17, 27). Он покорился арестовывающим Его первосвященникам, хотя мог бы обратить их в камни или испепелить (Мф. 26, 53). Как Бог, Он с серьёзностью Творца относился к законам природы, то есть к установлениям Пресвятой Троицы, куда входит и Сам. И если Он и сотворил на глазах людей множество чудес (Ин. 21, 25), прибегая к локальной и временной отмене этих законов, то это делалось не просто так, а ради создания у людей психологической готовности к принятию христианства.

Это было важнейшим этапом создания спасающей Церкви, осуществлением дела Божественного домостроительства, а значит, в конечном счёте, продолжением и завершением сотворения мира. Насколько же велик был выход за пределы естественного в «главизне нашего спасения»? «Эмбриогенез начинается с сингамии». Эта фраза, взятая из учебника биологии, на обычный язык переводится так: «Развитие зародыша начинается с оплодотворения». Что может быть тривиальнее этой сентенции? Разве только «Волга впадает в Каспийское море». Но если вдуматься в неё, она может удивить и стать толчком к плодотворным размышлениям. Если мы хотим что-то понять, нам прежде всего надо учиться удивляться

ХРАМ

простым вещам. Такое удивление было главным двигателем науки. Ньютон удивился тому, что яблоко падает на землю, и так родилась теория тяготения. Эйнштейн удивился тому, что масса пропорциональна весу, и так возникла общая теория относительности. Я приглашаю вас удивиться и тому, что эмбриогенез начинается со слияния двух половых клеток, называемых гаметами, в оплодотворённую клетку, называемую зиготой. Удивительно здесь то, что гаметы, находившиеся до этого в организме в течение многих лет неизменными, после этого сразу взрываются активностью. С места в карьер зигота начинает делиться — сперва пополам, потом на четыре клетки, потом на восемь, а вскоре начинается неопишуемая по сложности и тонкости дифференцировка клеток и тканей, и возникновение органов. Всё выглядит так, будто после оплодотворения происходит пробуждение от спячки, будто включается какой-то мощный механизм созидания, строящий по определённому плану организм данного вида. Поскольку этот план должен включать в себя описание миллиардов будущих клеток, их взаимного расположения, их взаимных связей, число которых будет иметь порядок уже миллиарда в квадрате, а сверх того и точный хронометраж их появления на своём месте, он не может поместиться в самой зиготе и должен находиться где-то

вне её. Это признают, скрепя сердце, даже эмбриологи-материалисты. Но тогда лучше говорить не о включении механизма, а о подключении оплодотворённой клетки к какому-то внешнему источнику информации, снабжающему её необходимыми инструкциями на протяжении всего развития. Эмбриогенез точнее всего описывается словами царя Соломона: «Премудрость построила себе дом» (Пр. 9, 1). Что же такое эта премудрость? Так как она неведущественна, и при сформировании под её управлением тела животного соединяется с ним и одушевляет его, то она есть душа этого животного. Впервые она соединяется с его телом именно в тот момент, когда из двух гамет образуется зигота: оплодотворённая клетка уже является одушевлённой, иначе она не начала бы жить и расти. Конечно, «вся душа» вначале в неё не помещается, однако, пребывая в основном вне её, она уже начинает распоряжаться зародышем и хлопотать о расширении и обустройстве своего будущего жилища, которое намеревается сделать своей резиденцией. Короче, душа входит в плоть уже на стадии одноклеточного эмбриона, и с этого момента можно говорить о живом существе, об индивидууме, а в случае высших животных и человека — и о личности. Акты воплощения душ в зародыши происходят на земле и в воде уже в течение сотен миллионов

лет и в количестве не менее миллиона в секунду; так что, если это и чудо, то «обыкновенное чудо», а значит, не чудо в том смысле, которое нас с вами сейчас интересует. Но прежде чем переходить к необыкновенному чуду Благовещения, надо затронуть ещё один принципиальный вопрос: откуда берётся воплощающаяся в зиготу душа? По этому поводу высказывались две точки зрения. Согласно первой, души изначально существуют в невидимой области бытия и, выстраиваясь в очередь, ждут своего шанса воплотиться. В крайней форме эта теория отражена в индуистской религии переселения душ. Она не может быть принята по той причине, что в ней индивидуальное оторвано от родового: сегодня некто является человеком, а завтра он же может сделаться свиньёй. Это противоречит неоспоримому факту двухприродности всякого живого существа: любая личность есть не только «Я», но и «Мы».

Более тонким было учение великого христианского учёного третьего века Оригена о предсуществовании человеческих душ. Однако на Пятом Вселенском Соборе 553 года оно было отвергнуто как заблуждение. С этим нужно согласиться, и не только потому, что определения Церкви всегда вернее мнений отдельных богословов, но и по логике. Достаточно спросить себя о количестве заготовленных душ, чтобы

утверждение Оригена представилось надуманным. В идеальном варианте число предвечных душ должно в точности равняться числу всех оплодотворённых в ходе истории яйцеклеток, а это значило бы, что половая активность бесчисленного количества животных заранее предопределена и в мире отсутствует свобода. Если же предположить, что души были наделаны Богом с запасом, то это было бы с Его стороны слишком жестоко: души, которым не хватает зигот, обречены на страдание, так как их стремление к активности останется нереализованным. Не проще ли предположить, что между материальной и идеальной компонентами появляющегося во вселенной нового существа должна быть симметрия: как зигота возникает в самый момент оплодотворения, а до этого её не существует, так и воплощающаяся в ней душа возникает в этот же момент, а не раньше. Это отвечает тому принципу «экономии», о котором мы говорили выше. Содержать в Своём Царствии мириады душ, которые, может быть, будут затребованы, а может, нет — это не стиль мудрого Бога, все решения Которого отличаются высокой эффективностью и особым изяществом.

Скажем, в иммунной системе организма антитела не запасаются заблаговременно, а начинают синтезироваться в момент появления

ХРАМ

в них необходимости. Заранее заготовлены лишь программы их синтеза, записанные в кодах ДНК. Как только разведывательные клетки обнаруживают антиген, РНК начинает снимать с этих программ копии и включает в действие рибосомы, собирающие из нужных аминокислот соответствующие белки. Этот пример можно рассматривать и как подсказку. По аналогии с хорошо изученным наукой механизмом строительства конкретного белка можно догадаться, как устроен механизм строительства организма в целом, механизм эмбриогенеза. Деятельности рибосом, находящихся только в цитоплазме, соответствует функционирование всей совокупности материальных структур организма. Деятельности РНК, которой доступно как ядро, так и цитоплазма, благодаря чему она доставляет коды белков от ДНК к рибосомам, соответствует деятельность индивидуальной души, способной находиться и «здесь», и «там», и поэтому тоже выполняющей посреднические функции. Что же в таком случае надо уподобить молекуле ДНК, не выходящей за пределы клеточного ядра? Очевидно, тот самый «план вида», существование которого ощущают все эмбриологи, не решаясь признать его абсолютной реальностью, как ещё две с половиной тысячи лет назад это сделал Платон. Они не способны к такому признанию потому, что эй-

дос вида целиком находится «там», а никакого «там» для науки не существует. Поэтому она обречена не понимать сути эмбриогенеза, как был бы обречён не понимать сути синтеза белков исследователь, обладающий странным дефектом зрения: не видящий клеточного ядра. Для всех же тех, кто не страдает профессиональной болезнью зрения учёных, приведённая аналогия многое ставит на места. Да, никакого сонма заготовленных для воплощения душ у Бога нет, а есть по одному невещественному образцу для каждого биологического вида, в том числе и для человека. А когда происходит слияние двух гамет и образуется зигота, с этого образца снимается копия, обладающая способностью входить «сюда» и соединяться с зиготой, становясь её душой и начиная направлять её развитие по невидимому плану, к которому продолжает иметь доступ. Это предусмотрено самим миропорядком и, однажды будучи установлено Богом, уже не требует Его специального вмешательства. Как только происходит оплодотворение, так сразу же в мире появляется новая личность. Таков космический закон воплощения. Теперь о безмужнем зачатии. У низших животных оно распространено достаточно широко и называется партеногенезом. В этом случае сливаются две гаметы одного хозяина. Это бывает у дафний, коловраток, тлей, пчёл,

а в некоторых случаях и у птиц. Но более развитым видам партеногенез не свойственен. Почему? Либо потому, что у высших животных имеется какой-то экранирующий механизм, не дающий слиться двум гаметам одного организма, либо потому, что при слиянии таких гамет им не придаётся душа, то есть имеется экранирующий механизм, препятствующий одушевлению такой «кровосмесительной» зиготы, вследствие чего она остаётся мёртвой и не развивается. Материал, полученный в ходе экспериментов по искусственному оплодотворению, позволяет думать, что верно не первое, а второе объяснение. После этого экскурса в биологию вернёмся к нашему основному вопросу. В слиянии двух собственных гамет Девы Марии чуда ещё не было — такое слияние в принципе может произойти у всякой женщины. Необычным было то, что образовавшаяся клетка стала развиваться. Но это объясняется тем, что с ней соединилась способная руководить её развитием духовная монада, так что тут нет ничего удивительного. Этой монадой было Второе Лицо Троицы, Бог Слово. Он пожелал Самим Собой заменить душу зиготы и исполнил Своё желание. Сильно ли пришлось Ему при этом нарушить законы природы? Не пришлось совсем. Дом, который Он начал Себе строить, ни у кого не был Им отнят, он всё равно остался бы пу-

стующим. Обычная человеческая душа не могла вселиться в нём, так как партеногенеза на уровне человека не происходит. Он занял горницу, которая была никому не нужна, на которую никто не претендовал. Как это поучительно! Даже ради спасения человеческого рода Бог не захотел изменить судьбу одной-единственной души, которая автоматически устремилась бы к зиготе, чтобы в неё воплотиться, если бы это было обычное двухродительское зачатие.

В этом случае Ему пришлось бы либо убить эту душу, либо, дав ей воплотиться, затем обожить её, подняв до Своего уровня. Первое предположение неприемлемо, так как Бог никого не убивает. Второе тоже неприемлемо, ибо это чистейшее арианство. Таким образом, мы приходим к поразительному выводу: безмужнее рождество, которое богословы прошлого считали величайшим из чудес в свете современной биологии, предстаёт единственно возможным способом Боговоплощения. Оставаясь тем Богом, каким Его знает Православие, Спаситель иначе просто и не мог родиться. Итак, нарушения естественных законов мы пока не обнаружили. Может быть, тогда Благовещение вообще не было чудом. Нет, элемент чудесного в нём всё же имелся, хотя и совсем ничтожный. Дело в том, что все гаметы женского организма содержат икс-хромосому, а при сли-

ХРАМ

янии двух таких гамет получается зародыш женского пола. А Иисус был мужчина.

Значит, при воплощении в зиготу Бог изменил несколько химических связей в одной из гамет, переписав код «икс» на код «игрек». Это была переделка в тысячи раз более ювелирная, чем работа любого искуснейшего ювелира: вмешательство в имеющиеся структуры

было осуществлено почти на атомной уровне. Таков был объём величайшего чуда, ставшего началом покаяния смерти и дарования нам вечной жизни. Оказывается, самым чудесным изо всего тут была малость этого объёма. В этой невообразимой малости проявилась бесконечная Божья премудрость, которой слава во веки веков.

Продолжение следует